

Анатолий Митяев «Почему армия родная»

Девочка Лена научилась читать. Особенно хорошо она читала слова, написанные крупными буквами.

Однажды зимой на стене дома повесили плакат. С плаката на девочку смотрел молодой солдат в каске. Лена стала читать буквы на плакате и прочла: «Да здравствует родная Советская Армия!»

«Армия называется Советской потому, что она в нашей Советской стране, — думала Лена. — А почему родная? Ведь она не мама, не папа, не бабушка...»

Шёл из школы домой мальчик Коля. Он был сосед Лены, и Лена его спросила:

— Коля! Скажи, пожалуйста, тебе Советская Армия родная?

— Мне? Конечно, родная, — ответил Коля. — Мой брат уже полгода служит в армии артиллеристом. Брат мне родной. Значит, и армия родная.

Ушёл Коля домой. А Лена осталась на улице. Она слепила маленькую, ростом с куклу, снежную бабу. Но ей всё равно было грустно. У Лены не было брата, который мог бы пойти в армию и стрелять там из пушек.

Вышла из подъезда соседка тётя Маша — с ковром под мышкой, с веником в руке.

Лена и её спросила:

— Тётя Маша! Скажите, пожалуйста, ваши родные служат в армии?

— Нет, — ответила тётя Маша. — Не служат. Все дома. Кто на заводе работает, кто в учреждениях.

— Значит, вам армия не родная?

— Как же это не родная! — удивилась тётя Маша. — Я жила в деревне, и началась война. Деревню заняли фашисты. А потом был сильный бой и пришли наши. Мы бежали к ним навстречу, плакали от радости и только говорили: «Родные! Наконец-то пришли, спасли нас от смерти».

— Армия всем родная, — закончила тётя Маша. — И меня, старую, и тебя, такую маленькую, она никому в обиду не даст.

Повеселела девочка. Побежала с улицы домой.

Когда пришёл с работы папа, она рассказала ему, как гуляла, как сама прочла надпись на плакате и что сказали ей Коля и тётя Маша.

— Всё же Коле армия роднее! — пожаловалась Лена.

— Ну это как сказать! — ответил папа. — Принеси-ка мне коробку с документами.

Папа достал из коробки красную книжечку. «Военный билет» — было написано на обложке. На первой странице Лена увидела папину фотографию.

Рядом были отчётливые буквы. Лена стала читать их. И получилось: «Сорокин Иван Васильевич. Танкист. Сержант запаса».

— Вот это да! — удивилась Лена. — Мой папа — танкист! А что значит «запаса»?

— Это значит, — сказал папа дочке, — что я, хотя и работаю на заводе, всё равно числюсь в армии.

— А другие папы?

— Другие папы тоже. Кто, как я, танкист, кто летчик, кто разведчик, кто моряк запаса.

На другой день Лена снова гуляла на улице. Было холодно. Дул ветер, падал снег. А она не уходила домой. Ждала, когда из школы придёт Коля. Хотела сказать ему про своего папу-танкиста.

«Что могут солдаты» Яков Ноевич Длуголенский

От огорчения Миша не спросил даже про пушки, а только сказал рассеянно:

— А теперь куда?

«— На полосу препятствий», — сказал Брыкин.

Миша пошёл за Брыкиным и увидел, что никакая это не полоса: просто за домиками, понастроены какие-то штуки, около них стоят солдаты, и офицер что-то объясняет им.

— Это и есть полоса? «Тогда это у нас тоже есть», — сказал Миша, показывая на гимнастическое бревно. — Мы по нему бегаем, и не страшно. Только Митька Соловушкин трусит. Один во всём дворе.

— А чего он трусит? — спросил Брыкин.

— Так — боится...

Миша хотел рассказать про Соловушкина, но в это время двое солдат спрыгнули в окопчик, офицер сказал: «Внимание... марш!» — и солдаты снова выскочили из окопчика и побежали, пригибаясь к земле.

— Куда они бегут? — удивился Миша. — К проволоке?

Солдаты действительно бежали к проволоке. Это было странно, потому что проволока была натянута над самой землёй и в ней запутался бы даже кролик, вздумай он туда залезть.

«— Они поползут под проволокой», — сказал Брыкин.

— Зачем? — удивился Миша.

— А если проволока в бою попадётся? Не поползут, запутаются... Уж лучше пусть сейчас запутаются.

И точно. Один солдат запутался.

— Не дёргайся! — кричали солдату, который запутался. — Не дёргайся! А то ещё больше запутаешься!

А второй солдат уже бежал по бревну, словно это было не бревно, а асфальтовая дорожка, потом перепрыгнул низенький заборчик, потом одолел высокий забор, потом спрыгнул в маленький окопчик и швырнул две гранаты в какую-то щель.

«Бабахнет сейчас!» — зажмурился Миша.

Но Брыкин сказал:

— Они не настоящие.

И Миша сразу тогда открыл глаза и как ни в чём не бывало поправил свою бескозырку.

Запутавшегося солдата вынимали из проволоки. У него съехала каска, и Миша вдруг увидел, что солдат — рыжий. Это почему-то так удивило Мишу, что он сказал:

— А солдат-то рыжий?

— Ну и что? — сказал Брыкин. — Красиво.

А второй солдат в это время подбегал уже к деревянному дому. Конечно, не к настоящему дому: вместо дома была стена и окошки — на первом и втором этажах.

— Сейчас полезет на второй этаж, — задрал голову, сказал Брыкин.

— На второй этаж по этой стене? — не поверил Миша.

— По этой.

— Но там же не за что держаться!

— Удержится, — сказал Брыкин. — Солдат есть солдат.

И точно. Солдат вскарабкался по голой стене и прыгнул со второго этажа.

— Всё? — зажмурился Миша.

— Бежит дальше.

— Ну, теперь-то просто, — открыв глаза, сказал Миша. — Теперь-то он перепрыгнет эту канаву. Там что, вода?

— Вода.

— А не перепрыгнет?

— Свалится в воду.

Солдат не перепрыгнул.

— Придётся ему начинать сначала, — огорчённо сказал Брыкин. — Не перепрыгнул.

«— Он устал, вот он и не перепрыгнул», — сказал Миша. — Если б не устал, перепрыгнул бы...

— Верно, — сказал Брыкин. — И всё-таки придётся ему начинать сначала...

Солдат вылез из канавы, поднял свои ненастоящие гранаты и пошёл начинать сначала. Даже каска и автомат были у него мокрые, не говоря уже о сапогах, гимнастёрке и сумке с противогазом. Солдат снял каску и вытер лоб.

— Так ведь он тоже рыжий! — взвизгнул Миша. — А вы говорили — солдаты разные... Одинаковые все!

«— А они братья», — сказал Брыкин. — Братьям можно быть одинаковыми.

Но Миша только недоверчиво покачал головой.

Как будут бежать солдаты второй раз — смотреть не стали.

Миша сказал:

— Вы тоже так бегаєте?

— Тоже, — сказал Брыкин. — Я на этом деле зуб потерял. Пластмассовый вставили.

— Больно было? — спросил Миша.

— Больно, — сказал Брыкин. Но, увидев, что Миша как-то странно задумывается, добавил: — Да ты что? Солдатам огорчаться не положено. Ты же видел — они храбрые парни, и полоса препятствий для них, в общем-то, пустяк. А случайности бывают везде: идёшь-идёшь, например, и споткнёшься...

И хотя случайности бывают везде, Миша всё равно расстроился: во-первых, из-за зуба, а во-вторых, из-за того, что солдатам приходится взбираться по стене, где нет даже ручек, а у них не всегда всё получается, и они устают.

«— Ты не расстраивайся», — сказал Брыкин. — Ты ещё не знаешь, что могут солдаты.

— Ну, — сказал Миша. — Что?

— Всё. Реки переплывать. Заборы красить. Песни петь. Сапоги чистить. Дома строить. Из пушек стрелять. Всё могут! А ты расстраиваешься...

— И вы можете?

— И я могу. Я только штангу поднимать не могу. Вот чего не могу. — Тут Брыкин посмотрел на часы и сказал: — Идём, Миша, обедать.

«Первый ночной таран» С. Алексеев

Ночь. Подмосковная. Тихая. Лунная. Кое-где мирно плывут облака. Бежит луна от облака к облаку. Вот застеснялась. Спряталась. Вновь показалась. Побежала желтым утенком дальше.

Ночь. Тишина. И вдруг прожекторы, как пики, кольнули небо, заухали зенитки. В воздухе был противник.

Наблюдатели обнаружили приближающийся к Москве фашистский бомбардировщик.

Младший лейтенант Талалихин получил приказ уничтожить врага. Через две минуты летчик был в воздухе.

Быстро ползет стрелка прибора, показывающего высоту. Триста метров, пятьсот, вот тысяча. Все выше и выше ползет стрелка. Для летчика-истребителя важен запас высоты. Сверху и атаковать неприятеля лучше. Сверху и все виднее. Две тысячи метров, три. Всматривается Талалихин в звездное небо. Нет, нигде не видно врага. Еще выше идет самолет. Четыре тысячи метров. Четыре с половиной. Вновь осмотрелся кругом Талалихин. Все также по небу бежит луна. Все также темно за бортом.

И вдруг слева чуть впереди увидел Талалихин какой-то отблеск. Всмотрелся — опять блеснуло. Лунным светом мигнул металл. Все ясно. Враг рядом. Враг найден. Вот уже виден весь самолет врага.

Схватил Талалихин фашиста в прицел. Нажал на гашетку. Точно стрелял Талалихин. Первая же очередь догнала фашиста. Тронули пули правый мотор врага. Пламя мотор охватило.

Ранен фашист, но не сбит. Скользит на крыло он, сбивает пламя. Вот-вот и вовсе огонь собьет. Прибавил машине скорость. Бросает машину то влево, то вправо. Хочет оторваться, уйти хочет от советского летчика. Опасный ас попался. Несколько заходов уже сделал Талалихин. Никак не добьет врага. Уходит противник.

Вновь для атаки зашел Талалихин. Нажал на гашетку. Молчат пулеметы. Расстрелял все патроны летчик.

Уходит противник.

— Не уйдешь! — прокричал Талалихин. Бросился Талалихин вслед фашистскому самолету... Совсем рядом хвост фашистского бомбардировщика. Нажал на рычаги. Дал полный газ. Пошел на таран — со всей силой врезался в самолет противника. Вспыхнул фашист как факел. Рухнул, как камень, вниз.

Однако от удара был выведен из строя и самолет Талалихина. Пришлось летчику прыгать с парашютом. Прыгнул. Благополучно спустился на землю.

За свой подвиг младший лейтенант Виктор Талалихин был удостоен высокой награды. Он стал Героем Советского Союза.

По сто, по двести самолетов в день посылали фашистские генералы на Москву. Но советские летчики и зенитчики, бойцы противовоздушной обороны зорко охраняли столичное небо.

Твои защитники «Сапёры» Лев Кассиль

Речка. Через речку мост.

Решили по этому мосту фашисты свои танки и грузовики на другой берег перевезти.

Узнали про то наши разведчики, и командир послал к мосту двух отважных бойцов-сапёров.

Сапёры — умелый народ. Дорогу проложить — зови сапёров. Мост построить — посылай сапёров. Взорвать мост — опять сапёры нужны.

Залезли сапёры под мост, заложили большую мину. Полна мина взрывчатки. Только брось туда искру—и страшная сила родится в mine. От этой силы земля дрожит, дома рушатся.

Положили сапёры мину под мост, вставили проволоку, а сами незаметно уползли и спрятались за бугром. Размотали проволоку. Один конец под мостом, в mine, другой — в руках у сапёров, в электрической машинке.

Лежат сапёры и ждут. Холодно им, но они терпят. Нельзя пропустить фашистов на этот берег.

Час лежат, другой... Только к вечеру показались фашисты. Много танков, грузовиков, пехота идёт, тягачи пушки везут...

Подошли враги к мосту. Вот передний танк уже загремел по доскам моста. За ним — второй, третий...

— Давай! — говорит один сапёр другому.

— Рано, — отвечает другой. — Пускай все на мост войдут; тогда уж сразу.

Передний танк уже до середины моста дошёл.

— Давай скорей, пропустишь! — торопит нетерпеливый сапёр.

— Погоди, — отвечает старший.

Передний танк уже к самому берегу подошёл, весь фашистский отряд на мосту.

»— Теперь время», — сказал старший сапёр и нажал рукоятку машинки.

Побежал по проволоке ток, соскочила искра в мину, и так грохнуло, что за десять километров слышно было. Гремучее пламя вырвалось из-под моста. Высоко вверх взлетели танки, грузовики. С треском взорвались сотни снарядов, что везли на грузовиках фашисты. И всё — от земли до неба — закрыл густой, чёрный дым.

А когда ветер сдул этот дым, не было там ни моста, ни танков, ни грузовиков. Ничего от них не осталось.

»— В самый раз», — сказали сапёры.

Твои защитники «Встреча» Лев Кассиль

Фашистский танк № 532 направился в лес на разведку. А лесную дорогу охранял наш боец-гранатомётчик. Слышит он: трещат деревья в лесу, будто слон идёт. Но слоны у нас не водятся. Значит, это через лес танк ломится.

Вот он показался весь: и номер уже виден — «532», и чёрный крест фашистский.

Притаился наш боец в кустах, да нечаянно ветку задел. Посыпался с куста снег. Фашисты почуяли неладное, стали из пушки и пулемёта по кустам палить. Совсем уже рядом гремит танк, пули над самой головой бойца ветки обивают. Но не струсил боец.

Взял он в правую руку целую связку гранат, а в левую — ещё одну гранату, запасную. Смело подполз к самому танку, размахнулся. Вот сейчас бросит связку под фашистский танк. Взорвутся гранаты, поломают танк.

Это здесь ещё не нарисовано, но поверь, что не промахнулся наш смелый гранатомётчик! Не стало больше у фашистов танка № 532.

Твои защитники «как наши подводники победили врага под облаками» Лев Кассиль

В далёкое плавание ходила наша подводная лодка. Два вражеских корабля потопила она и скрылась в волнах моря.

Долго гонялись за лодкой фашистские самолёты. Миноносцы врага рыскали по морю, подстерегая её. А лодка опустилась на морское дно и лежит там притаившись. Фашистские миноносцы не дождались лодки, ушли к своим берегам. Тихо в морской глубине. Только рыба иногда стукнется о железный борт подлодки.

Прошло много времени. В подлодке стало трудно дышать. Нужно проветрить лодку, впустить в неё чистый, свежий воздух. А для этого надо подняться на поверхность моря. Командир приказал всплывать. Лодка стала осторожно подниматься с морского дна.

А там, наверху, кружили под облаками два фашистских самолёта и высматривали, не покажется ли из моря советская лодка. Как только лодка вынырнула, её сразу заметили вражеские лётчики. И фашисты бросать в лодку бомбы и стрелять из пулемётов. Закипела вода вокруг нашей подлодки. Не успеть ей уйти глубоко под воду. Достанут её глубинные бомбы.

Но не растерялись наши краснофлотцы-подводники. Сразу бросились к зенитной пушке. Стоит пушка на мокрой площадке, как на тарелочке. Верти, целься, стреляй во все стороны!

— Огонь! —скомандовал командир с капитанского мостика.

Тах, тах, тах, тах!.. Снаряд за снарядом — в небо.

Не увернулся фашист. Достала его зенитка подводников. Загорелся вражеский самолёт — и кувырком в море. Только брызги вверх да вода зашипела.

И нет самолёта.

А другой фашист испугался, повернул самолёт и пустился удирать.

Подводники надышались свежего воздуха, проветрили лодку, потом завинтили все люки и двери, закупились плотно, чтобы ни капельки воды не просочилось внутрь. И ушла опять лодка в морскую глубину. И снова не видно её.

Прошло с той поры больше двадцати пяти лет. Теперь есть у нас такие подводные лодки, что могут и со дна морского достать врага за облаками. Уйдёт эта лодка в морскую пучину и пустит из глубины ракету. Пробуравит воду ракета, вырвется в воздух над морем, высоко взовьётся в небо и настигнет врага.

Твои защитники. «Сестра» Лев Кассиль

Пошёл в бой солдат Иван Котлов. Ударила Ивана фашистская пуля. Руку пробила и в грудь попала. Упал Иван. А товарищи вперёд ушли, врага гнать. Лежит Иван один в снегу. Рука болит, дышать трудно — пуля в груди мешает. Лежит и думает: «Конец мой приходит. Умру сейчас». И глаза закрыл. И думать перестал.

Вдруг слышит: кто-то тихонько его трогает. Стал Иван глаза открывать, да не так-то легко это. Смёрзлись ресницы. Вот один глаз открыл, потом другой. Видит: подползла к нему девушка, на сумке красный крест, — медицинская сестра из отряда. Вынимает из сумки бинт и начинает перевязывать рану — осторожно, чтобы не больно.

«Кругом бой, а она приползла», — подумал Иван и спросил:

— Умру?

— Будете жить, товарищ. Я вас сейчас перевяжу.

— Спасибо, сестрица! — говорит Иван Котлов. — Дозвольте узнать, как вас зовут.

— Надя зовут, — отвечает, — Надя Балашова.

Перевязала она раненого, взяла его винтовку, обхватила Ивана Котлова рукой и потащила в безопасное место. Фашисты по ней стреляют, а она знай себе ползёт и раненого тащит. Маленькая, а сильная. И ничего не боится. Так и спасла она Ивана Котлова. Славная подружка, храбрая девушка Надя Балашова!